

– Эй, Ивашка!

– Я не Ивашка, я – Иван.

– Да какая разница, поди сюда, гоминида.

Начало дня не предвещало каких-то серьёзных проблем, а подобного рода обращения давно уже перестали удивлять Ивана. Не выделяясь крепким телосложением, обладающий добрым характером и соответствующим воспитанием, Ваня часто вызывал насмешки в свой адрес от более подготовленных к выживанию сверстников. Да и большие карие глаза с длинными ресницами, действительно, выглядели кукольно на лице мальчика.

Укладывая вечером спать, мама ласково обнимала сына и всегда шутила перед сном: «Ох уж твои Жар-птицы – чьё-то счастье берегут». Ваня не понимал её слов. На вопрос: «Что такое счастье?» – мама отвечала не сразу. Какое-то время смотрела на него молча, иногда в её глазах он замечал искорки слёз, потом тихо шептала: «Ты моё счастье», – и быстро выходила из комнаты. А он ещё долго лежал в постели, не засыпал и смотрел на светящиеся стрелки умиротворённо тикающих в углу часов. Круг за кругом острие секундной стрелки отмеряло ночную тишину, благодатную для мечтаний. Вглядываясь в его прерывистое движение, Ваня пытался вспомнить мгновения восторгов в своей пока ещё недолгой жизни. Бледно-зелёное свечение цифр напоминало Ивану фисташковое мороженое, которое он ел с папой в последнюю их совместную прогулку в парке, когда они всей семьёй отмечали его день рождения. Ему исполнилось семь лет.

Вскоре папа уехал в командировку и домой не вернулся, как это бывало обычно, через сорок дней. Не вернулся и через последующие бесконечно долгие сорок дней. Там уж лето подходило к концу. Школьные сборы хоть и занимали время, но не могли отвлечь Ивана от воспоминаний и размышлений об отце. Мать он не спрашивал, чувствовал, что ей тяжело, и вряд ли она ему

ответит. Но больше всего он не хотел причинять ей боль. По случайной услышанному телефонному разговору он догадался, что родители иногда общаются, только о чём – не знал. Всякий раз, когда Ваня думал, что мама разговаривает с папой, он уходил в ванную комнату, включал душ и долго сидел на полу, вслушиваясь в шум созданного им дождя. Мама всегда появлялась неожиданно и этим немного пугала его. «Ванюшка, ну сколько можно воду лить? Выходи скорее из ванны!» – мамин голос при этом был необычайно нежен и дорог.

В школе Ивану не нравилось. Ни в первый день, ни в любой другой. Общение с ребятами налаживалось очень сложно, а порой лучше бы его вообще не было. Настоящего друга не нашёл и большую часть времени ни с кем не разговаривал, сидел за партой и рисовал лучистое Солнце на последней странице тетради. После уроков оставался в группе продлённого дня, где у него был товарищ: Серёжа из параллельного класса, тоже застенчивый и молчаливый. Но Ване было приятно с ним даже просто посидеть за одной партой. Иногда они играли в морской бой, и эти дни в школе представлялись самыми необыкновенными. Иван мечтал о брате или сестре, но жили они с мамой вдвоём, без кошки или попугая, даже рыбок в доме не водилось. За Серёжей три раза в неделю приходила бабушка, чтобы отвести внука на тренировку по ушу.

В те дни, когда Сергей сразу после уроков уходил домой, Ваня садился за парту у окна и внимательно наблюдал за происходящем на улице. Огороженная территория вокруг школы резко уменьшала вероятность интересных событий. Обычно главными героями были птицы или клубящийся дым промышленного города. Но случались в его театре и премьеры, когда мальчишки выходили на школьный двор выяснять отношения. Ему всегда было страшно за одного из спорщиков. Ваня жалел проигравшего.

Одновременно он как будто завидовал мальчику, потому что тот не боялся защититя себя. И ещё больше восхищался им, предполагая, что мальчик всё же боялся, но мужественно преодолевал свой страх. Победённый боец, после того как все остальные зрители уже разошлись, какое-то время сидел на земле, но не плакал.

За ужином на расспросы мамы о делах в школе Ваня машинально отвечал: «Всё нормально». Он на самом деле так считал. Если день прошёл, то это очень хорошо, значит, стали ближе каникулы. Осенние, зимние и весенние промелькнут быстро, а за ними долгожданные летние – вселяющие надежду – будут вальяжно проплывать перед глазами. Может быть, папа вернётся и научит его драться. Или они пойдут на рыбалку и поймают огромного сома, из которого мама испечет вкуснейший пирог. Или возьмут маму с собой и поедут в парк: кататься на аттракционах, есть сахарную вату и пить газированную воду через трубочку. Тогда папа обязательно бы выиграл для него в тире бесполезную мягкую игрушку, а маме бы купил так любимое ею эскимо. И, дождавшись удобного момента, Ваня повис бы на руках между мамой и папой, как это было в далёком радостном прошлом.

Начальная школа закончилась в томительных ожиданиях. Здание старшей школы выглядело угрожающе. Ещё в четвёртом классе он приглядывался к дикарям, обучающимся в нём. Удивление – не то слово, которое могло бы описать внутреннее состояние Ивана. Люди, толпой выходящие вскоре после звонка из огромных стеклянных дверей, казались ему обитателями ночных кошмаров. И вот, в следующем сентябре он окажется среди них. Эта мысль тревожила его. Предстоящее лето подступало без прежней радости – последнее лето его беззаботной жизни.

Папа всё реже звонил маме. На дни рождения сына присылал почтой дорогие подарки, но сам не приезжал и к телефону его не звал. Ване казалось, что и мама перестала ждать звонков. Наверное, наступило время, когда можно расспросить её об отце, но уже не хотелось. Укладывая сына спать, мама по-прежнему называла его своим счастьем, шутила про Жар-птиц жгучих карих глаз с невероятно длинными для мальчика ресницами, напо-

минающих ей глаза мужа. Она как будто не замечала, что материнская ласка становится в тягость взрослому человеку.

Ваня мучился еженедельными выходными. Ему было совершенно нетрудно помогать маме по дому, но он искал поводы побыть одному и причины для молчания. Однажды от небрежного взмаха рукой, когда он закрывал шторы светящиеся в темноте часы упали со стены и разбились. Вскоре приятный зелёный цвет сменился на раздражающий красный электронного табло новых часов с будильником. Теперь утро врывалось в его ощущения монотонным, пронзающим звоном, вместо маминых поглаживаний по волосам. Всё в жизни как-то поменялось, наполнилось бессмысленной враждебностью и безвременным разочарованием. Иван мучился взрослением.

В седьмом классе это произошло...

– Эй, Ивашка!

– Я не Ивашка, я – Иван.

– Да какая разница, поди сюда, гоминада.

Иван безмолвно подошёл к Артёму и со всей силой, с размаха, ударил его кулаком в ухо. В каком-то фильме он видел, как главный герой одержал таким образом победу над злодеем. Конечно, до решающего удара в фильме было много другого, но сейчас это было неважно. Артём рухнул на пол. Окружающий мир замедлял своё движение, гул голосов со всех сторон затмевал сознание Ивану. Пульсирующим взглядом он выхватывал из образовавшегося вокруг кольца школьников отдельные лица, искажённые гримасами ужаса или гнетущего непонимания. Внутри его тело сжалось и зачерствело. Ему казалось, будто он – Иван – стал осью гигантских часов, а его руки – бронзовыми стрелками, отмеряющими в вечности пределы бытия.

Артём молча отполз в сторону и остался сидеть на полу, облокотившись на стену. Его скорченная фигура напоминала груды камней, прежде бывших несокрушимой стеной. Взглядом, полным отчаянья, он смотрел на проходящего мимо Ивана. Видел он и расступающихся перед Иваном ребят, не смеющих сказать ему ни единого слова. Иван спокойно подобрал свой рюкзак и скрылся в коридоре, так и не обернувшись.